

Пикассо со мной

Европейские музеи продолжают выяснять отношения с модернизмом

Известия - 2002 - 79 март

В Европе работают две огромные выставки, главные герои которых — Матисс и Пикассо, основатели искусства XX века. Первая — «От Пюви де Шаванна до Матисса и Пикассо. В сторону модернизма» — проходит в знаменитом Палаццо Грасси в Венеции, одном из самых больших и престижных выставочных залов Италии. Вторая — «Матисс—Пикассо» — в лондонской галерее Тейт-Модерн, сравнительно молодой (отдельное здание, отданное под искусство XX века, было построено при галерее Тейт всего несколько лет назад), но уже ставшей законодательницей музейных мод.

Николай МОЛОК

Еще несколько лет назад такие выставки показались бы скучнейшими и неактуальными событиями. Оба художника и так известны во всем мире, с их работ во многих музеях начинаются экспозиции искусства XX века, обоим посвящены специальные художественно-мемориальные музеи. Пикассо написал столько, что периодически его наследники в счет уплаты налогов на наследство передают в дар французскому государству десятки его картин, которые после выставок оказываются в запасниках — больше уже некуда вешать. Не говоря уже о том, что работы обоих, в особенности опять же Пикассо, регулярно появляются на аукционах, где набирают довольно высокие (хотя и не топовые, как Ван Гог) цены.

Кроме того, еще несколько лет назад на Западе были другие арткумиры. Основателями модернизма считались Марсель Дюшан и Казимир Малевич — художники-радикалы, перевернувшие представления не только об искусстве как таковом, но и о способах изготовления произведения искусства. Еще бы не перевернули — один выдает за Искусство обыкновенный унитаз, другой — обыкновенный квадрат, окрашенный черной краской. Иллюзия, возникающая

их работ — «Да я и сам так могу», — конечно, принижает статус Художника, к которому прежде относились как к мастеру-демиургу, творцу, но вместе с тем здесь есть столь важная для XX века почти издевательская ирония: «Ну, ну, попробуй». (Кстати, многие пробуют, только ни у кого что-то не получается.)

На этом фоне Матисс с Пикассо казались никакими не модернистами, а вовсе даже последними представителями старой школы, которые, будучи не в силах отказаться от традиционной формы картины, ужасно хотели быть молодыми. Особенно Пикассо, который за свою долгую жизнь перепробовал практически все «измы» современного искусства — от кубизма до абстракционизма. И вот вдруг (конечно, не совсем вдруг — экспозиции, подводные итоги искусства прошедшего столетия, сейчас в чести) почти одновременно открываются две выставки, возвращающие Матиссу и Пикассо их почетные места в истории.

Выставка в Палаццо Грасси посвящена, строго говоря, Пьеру Пюви де Шаванну — более 200 работ художников из разных стран (в том числе четверо наших: Борисов-Мусатов, Нестеров, Петров-Водкин и Малевич — как же без него) демонстрируют влияние этого мэтра символизма на все искусство рубежа XIX и XX веков. Цель

выставки — показать, что модернизм вышел вовсе не из радикалов вроде Дюшана и не из экспериментаторов-импрессионистов, а из салонно-классической традиции, которую проповедовал Шаванн и с успехом продолжили Матисс и Пикассо.

Выставка в Лондоне менее пафосная. Она собственно про искусство. Зрителям предлагается сравнивать повешенные рядом картины двух художников. То, как каждый из них использовал цвет, трактовал форму, строил композицию, какие сюжеты выбирал, в каких техниках работал. Экспозиция построена по хронологии — от знакомства Матисса и Пикассо в 1906 году до смерти Матисса в 1954-м (Пикассо пережил его на 19 лет) — и позволяет проследить историю взаимоотношений двух художников — от ревности и конкуренции (благодаря которой, как считают организаторы выставки, и рождались многие художественные новаторства) до взаимного уважения в старости.

Конечно, пока рано говорить о том, что выставки в Венеции и Лондоне окончательно пересмотрели истоки модернизма — ведь в скором времени может пройти аналогичная выставка «Дюшан—Малевич». И все же отношение к модернизму очевидно изменилось. На Западе искусство XX века больше не хотят видеть только как экспериментальное, радикальное, агрессивное. В нем ищут еще и красоту, и человечность, вместе с тем не забывая об ужасах истории прошлого столетия (потому сюрреалистические образы Пикассо вроде «Герники» допустимы). И в этом смысле вывод на первый план Матисса и Пикассо вполне закономерен.

Нам же, лишенным подобных выставок, остается

Пикассо. Девушка с веером. 1905 г.

остаться лишь тем, что именно Россия открыла миру искусство Матисса и Пикассо. Их первыми собирателями (и заказчиками) были Щукин и Морозов, чьи великолепные коллекции, сейчас хранящиеся в Эрмитаже и Пушкинском музее, знают во

всем мире. Их первыми ценителями были русские художники, посещавшие дома Щукина и Морозова.

Футурист Василий Каменский почти пророчествовал в одной из своих «Железобетонных поэм», посвященных му-

зею Щукина: «Моне нет при мне» — «Пикассо со мной». Этот лозунг очень бы понравился как организаторам ниспровергающей импрессионизм выставки в Палаццо Грасси, так и кураторам лондонской экспозиции.

Пикассо Анри

135